

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ И НАРОДЫ ВОСТОКА (1918—1922)

А. Н. Хейфец

Уже первые конституционные акты Советской власти, провозгласившие право народов России на самоопределение: Декрет о мире, «Декларация прав народов России», обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», — как и другие документы молодого Советского государства, произвели огромное впечатление на народы зарубежного Востока. Видный индийский общественный деятель К. М. Панникар отмечал, что «Декларация прав народов России» «действительно была подобна взрыву, и у всех народов Азии, борющихся за свою свободу, она возбудила новые надежды». Прибывший в 1919 г. в Советскую Россию известный мусульманский общественный деятель Индии Мухаммед Баракатулла написал брошюру «Большевизм и ислам», излагавшую и горячо приветствовавшую обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Издававшаяся в Семаранге (Ява) газета Индонезийской социал-демократической федерации «Хет Фрейе воорд» в ноябре 1918 г. посвятила «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» специальную статью¹.

О воздействии первых актов Советского правительства на народы колоний свидетельствует и реакция английских колониальных властей в Индии. Уже через три дня после опубликования обращения СНК к мусульманам России и Востока, 6 декабря 1917 г., статс-секретарь британского правительства по делам Индии телеграфировал в Дели вице-королю: «Мы перехватили крайне зажигательную прокламацию большевиков, адресованную ко всем трудящимся мусульманам России и Востока и переданную телеграфом русского правительства. Эту прокламацию следует скрывать как можно дольше». 13 декабря в повторной телеграмме предписывалось предпринять все возможные шаги, чтобы задержать эту радиограмму, в том же случае, если ее содержание станет известным населению Индии, организовать соответствующую контрпропаганду². После того, как в распоряжение британской военной миссии в Мешхеде (Иран) попал экземпляр упомянутой выше брошюры Баракатуллы, полный текст ее перевода был срочно (в ок-

¹ См. К. П а н н и к а р. *Asia and Western Dominance*. L. 1959, p. 250; А. Б. Беленький и Я. Русская революция и индонезийские левые социал-демократы. «Народы Азии и Африки», 1963, № 5, стр. 93.

² Л. В. М и т р о х и н. Индия о Ленине. М. 1971, стр. 28—29.

тябре 1919 г.) направлен в Симлу английским властям для принятия ответных мер³.

В. И. Ленин предвидел, что достижения советской национальной политики окажут влияние на отношения Советского государства с народами Востока. Показательна в этой связи его беседа с первой делегацией правительства Кемаля Ататюрка 14 августа 1920 года. В ответ на просьбу турецких делегатов поддержать национально-освободительное движение их народа В. И. Ленин заявил, что помощь угнетенным народам — один из основных принципов Советского правительства, и выразил уверенность, что Великое национальное собрание Турции будет приветствовать создание в РСФСР Башкирской, Киргизской (Казахской), Туркестанской автономных республик⁴. Когда в декабре 1920 г. Ататюрк получил информацию о положении в Азербайджанской ССР, о равноправных отношениях между РСФСР и Советским Азербайджаном, он направил в Баку телеграмму, в которой говорилось: «Определившееся в окончательной форме и безусловно желательное как для революционной России, так и для революционной Турции, положение Азербайджана создало почву для глубокой искренности и вызвало чувство большого удовлетворения». Через несколько дней, узнав о провозглашении автономии Дагестана, Ататюрк послал В. И. Ленину телеграмму, в которой горячо одобрял советскую национальную политику⁵. В ответной телеграмме В. И. Ленина говорилось: «Мы с радостью получили Ваше сообщение по поводу провозглашения автономии горцев. Из Вашего сообщения Советское правительство смогло убедиться, что политика Советской России в отношении наций, входящих в Российскую Федерацию, пользуется Вашим сочувствием»⁶.

В ходе гражданской войны сложился военно-политический союз советских республик. Благотворное влияние на борьбу народов зарубежного Востока против империалистических поработителей оказали победы Красной Армии, в рядах которой сражались сыны всех советских народов, над интервентами, белогвардейцами и националистической контрреволюцией. Не случайно именно весной 1919 г., то есть в период, когда Красная Армия освободила Черноморское побережье Украины, развернулись вооруженные выступления турецких патриотов против империалистов Антанты. Характерно, что в частях Красной Армии на Украине сражались против интервентов и белогвардейцев тысячи трудящихся — выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока: турки, иранцы, курды, арабы. Турецкие патриоты во главе с М. Субхи участвовали в легендарном походе Южной группы И. Э. Якира. В составе корпуса Червоного казачества под командованием В. М. Примакова воевали курдские добровольцы из числа бывших военнопленных — солдат оттоманской армии⁷.

Весной 1920 г. в результате совместных действий трудящихся Азербайджана и наступавшей с севера XI Красной Армии были разгромлены интервенты и националистическая контрреволюция в Азербайджане. Чтобы обеспечить безопасность Баку от возможных атак белогвардейцев и английских интервентов, вернуть незаконно увезенные корабли и имущество, принадлежавшее РСФСР и Азербайджан-

³ Архив Института востоковедения АН СССР (далее — АИВ). Серия А, № 169. Government of India. Foreign and Political Department. Secret-F. Proceedings. February 1920, Nos. 170—171. Bolshevik Designs on Afganistan and India. pp. 42—47.

⁴ См. С. И. Кузнецова. Установление советско-турецких отношений. М. 1961, стр. 21.

⁵ См. «Коммунист» (Баку), 13.II. 1920; «Документы внешней политики СССР». Т. III. М. 1959, стр. 451.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 301—302.

⁷ Подробнее см.: Ю. И. П а т л а ж а н. В рядах братів по класу (Участь трудящих Близького и Середнього Сходу в боротьбі за перемогу Великого Жовтня на Україні). Київ. 1971.

ской ССР, объединенные вооруженные силы двух республик осуществили в мае 1920 г. смелую десантную операцию в районе иранского порта Энзели (Пехлеви), нанеся поражение английским оккупантам.

Эти события нашли отклик на всем Ближнем и Среднем Востоке. В частности, усилилось освободительное движение иранского народа. Провинция Гилян, на территории которой расположен порт Энзели, перешла под контроль образовавшегося там революционного правительства. В начале июня 1920 г. советский экспедиционный корпус в Энзели был расформирован, а корабли нашего Каспийского флота вернулись в Баку. Однако позднее, когда английские части и вооруженные силы, мобилизованные иранской реакцией, развернули новое наступление на Гилян, стремясь восстановить английский контроль над южным побережьем Каспия, что создавало непосредственную угрозу Советскому Азербайджану, его правительство по просьбе гиланского революционного правительства направило в Гилян «Полк имени 26 комиссаров» и некоторые другие азербайджанские национальные формирования.

Органы Советской власти в Закавказье и Средней Азии сыграли большую роль в установлении отношений Советского государства с отдельными странами зарубежного Востока. По поручению СНК РСФСР председатель Бакинского Совнаркома С. Г. Шаумян, бывший одновременно и «комиссаром внешних дел», сформировал и направил в Иран советскую дипломатическую миссию во главе с И. О. Коломийцевым⁸. Ее деятельность финансировалась Бакинским Совнаркомом. В установлении первых контактов с Ираном активно участвовала Туркестанская АССР (ТАССР). Летом 1918 г. ЦИК ТАССР уполномочил дипломатического агента РСФСР в Тегеране Н. З. Бравина быть также представителем Советского Туркестана в Иране. Тогда же НКВД ТАССР обменялся с Н. З. Бравиным телеграммами о возможности назначения иранских консульских представителей в города Туркестана и Бухары⁹.

В сентябре консулом ТАССР в Мешхед был назначен председатель Кокандского Совета Е. А. Бабушкин. 29 сентября руководители республики сообщили В. И. Ленину об этом, а также о принятой ими мер для назначения консулов в Тегеран, Астрабад (ныне Горган), Турбат, Сеистан. Был также поставлен вопрос о желательности назначить представителя ТАССР в Иран на правах товарища полномочного представителя РСФСР, если нельзя иметь полного представительства Советского Туркестана.

Ознакомившись с этой телеграммой, В. И. Ленин дал указание запросить Г. В. Чичерина по поднятым вопросам. Чичерин ответил, что по согласованию с чрезвычайным комиссаром Советского правительства в Туркестане П. А. Кобозевым и руководителями ТАССР в Иран будет направлена миссия¹⁰.

Однако реализовать эти планы тогда не удалось в связи с хозяйничаньем английских оккупантов в Иране. После освобождения Ашхабада от интервентов и белогвардейцев (июль 1919 г.) правительство ТАССР приняло меры для налаживания консульских отношений и развития экономических связей между Советским Туркестаном и Северо-Восточным Ираном, что способствовало успеху дипломатических акций РСФСР, направленных на установление дружественных советско-иранских отношений.

Важный вклад ТАССР внесла и в развитие советско-афганских отношений. В июле 1918 г. ЦИК ТАССР постановил послать в Афганистан

⁸ Т. А. Соболев-Смолянинова. Подвиг посла. «Вопросы истории», 1969, № 5.

⁹ А. М. Матвеев. Внешнеполитическая деятельность правительства Туркестанской АССР в годы гражданской войны. «Народы Азии и Африки», 1970, № 5.

¹⁰ А. Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—1920). М. 1964, стр. 192.

делегацию. Однако осуществить это намерение не представилось возможным. Неудачей окончилась и попытка установить непосредственный контакт с афганским правительством через проживавшего в Туркестане опального афганского принца Ибрагим-хана. Эти шаги предпринимались по согласованию с СНК РСФСР, который 4 июня 1918 г. объявил о готовности учредить в Афганистане свое полномочное представительство¹¹. В феврале 1919 г. к власти в Афганистане пришел Аманулла-хан, провозгласивший независимость страны и выразивший готовность установить дружественные отношения с Советской Россией. Однако вплоть до ликвидации в сентябре 1919 г. белогвардейской «Оренбургской пробки», отрезавшей Советский Туркестан от Центральной России, прямые контакты с Афганистаном осуществляло только правительство ТАССР. Первое обращение Амануллы-хана к В. И. Ленину было доставлено в Ташкент и оттуда по радио передано в Москву. Направленное эмиром в Москву чрезвычайное посольство во главе с Мухаммедом Вали-ханом с конца мая до конца сентября 1919 г. находилось в Туркестане. В Ташкенте было создано генеральное консульство Афганистана.

Получив (очевидно, в первой половине марта) информацию о февральских событиях в Афганистане, правительство ТАССР сразу же поставило вопрос о посылке своей миссии в Кабул. СНК РСФСР одобрил это предложение, 27 марта народный комиссар иностранных дел ТАССР Богоявленский направил правительству Афганистана письмо, в котором сообщалось, что правительство Российской республики аннулировало все договоры свергнутого царского правительства «с правительством и королями мирового хищника Англии» и призывает независимость Афганистана. «Для проведения в жизнь этих начал Российская республика командировала из Москвы в Ташкент своего посланника в Афганистане и Персии г-на Бравина, имеющего дипломатический опыт, знающего Восток, друга восточных народов, сторонника независимости мусульманских народов и знатока персидского языка, уполномочив его на установление дружественных и торговых сношений»¹².

4 апреля СНК РСФСР выделил в распоряжение ЦИК ТАССР средства для финансирования миссии в Кабул и возложил на Н. З. Бравина временное исполнение обязанностей уполномоченного НКВД РСФСР в Афганистане. В направленной ему из Москвы инструкции указывалось: «Можете официально от имени Советского правительства сообщить афганскому правительству о признании нами независимости Афганистана, согласии установить дипломатические отношения, командировании Вас нашим представителем в Кабул»¹³.

Насколько известно сейчас, письмо наркома иностранных дел ТАССР от 27 марта 1919 г. было первым официальным советским документом, полученным в Кабуле. Оно прибыло туда в мае, когда уже шла англо-афганская война. Заявление Советского правительства явилось огромной моральной поддержкой для афганцев. В ответ на это послание министр иностранных дел Афганистана Махмуд Тарзи направил 14 мая письмо на имя Г. В. Чичерина. В нем выражалась благодарность за признание независимости и суверенитета Афганистана, сообщалось об английском нападении на Афганистан, а также о том, что эмир с большой радостью примет Н. З. Бравина. В заключение Махмуд Тарзи писал: «Питаю большую надежду, что после прибытия г-на Бравина будут созданы все условия для связей и укрепления основ союза между двумя нашими странами»¹⁴. Н. З. Бравин выехал из Ташкента в мае

¹¹ Л. Б. Теплинский. 50 лет советско-афганских отношений. М. 1971, стр. 15—16.

¹² «Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг.». Документы и материалы. М. 1971, стр. 7.

¹³ Л. Б. Теплинский. Указ. соч., стр. 19, 28.

¹⁴ «Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг.», стр. 11—12.

1919 года. Английская разведка пристально следила за его передвижением, заслав своего агента в охрану, сопровождавшую советскую миссию. Пароход, на котором миссия следовала по Амударье, подвергся нападению солдат эмира бухарского, тесно связанного с англичанами. В результате стычки было убито 2 и ранено 18 человек. 16 июля правительство ТАССР направило послание Аманулле-хану, в котором объяснялись причины задержки миссии.

Только в начале июля советская миссия прибыла в Герат, но и здесь она была задержана местными афганскими властями почти на три недели. Секретные английские документы проливают свет на причины этой задержки. 15 июля генерал Маллесон телеграфировал в генеральный штаб англо-индийских войск в Симлу: «В течение последних трех недель я предпринял специальные меры с целью дискредитировать миссию Бравина в Афганистане. Имеются основания полагать, что эти усилия оказались успешными. Этой ночью Бравин направил через радиостанцию Кушки доклад, что он и вся его группа являются пленниками... Абсолютно ничего не известно относительно даты отъезда из Герата»¹⁵. Однако английский генерал просчитался. 24 июля советская миссия выехала из Герата в Кабул. На первой же стоянке Н. З. Бравина ожидало письмо Амануллы-хана, в котором подтверждалась дружба между Афганистаном и Советской Россией. Эмир предписывал местным властям срочно и с почетом доставить советских представителей в Кабул. По прибытии в афганскую столицу Н. З. Бравин был принят эмиром.

Характерно, что те же английские круги, которые пытались помешать приезду миссии ТАССР в Кабул, разработали и план захвата афганского посольства Мухаммеда Вали-хана в Советскую Россию. В Национальном архиве Индии сохранились заметки, сделанные в генеральном штабе англо-индийской армии в Симле в связи с пересланной туда копией радиограммы Мухаммеда Вали-хана президенту США Вильсону, которая была направлена из Ташкента 10 июня 1919 г. и перехвачена англичанами. Из этих заметок видно, что английские власти обсуждали вопрос о захвате афганской миссии, но опасались, что эта акция вызовет сильный протест в мусульманских странах¹⁶. Когда белогвардейский барьер, отделявший Туркестан от Центральной России, был ликвидирован, Мухаммед Вали-хан в октябре 1919 г. прибыл в Москву. Предшествовавшие контакты между Афганистаном и ТАССР в Ташкенте и Кабуле способствовали успеху московских переговоров. Чрезвычайный посол Афганистана был дважды принят В. И. Лениным. В послании Аманулле-хану от 27 ноября 1919 г. В. И. Ленин подвел итоги беседам, состоявшимся в Москве. Он подчеркнул готовность Советского правительства оказать афганскому народу помощь в самых широких размерах и высказался за проведение в Кабуле и Ташкенте переговоров с целью разработки договора о дружбе между Советской Россией и Афганистаном¹⁷.

Бухарская и Хорезмская народные советские республики внесли значительный вклад в установление дружественных советско-афганских отношений. Победа народной революции в Бухаре, ликвидация здесь зависевшего от английского империализма реакционного режима значительно упрочили международное положение Афганистана. Однако влиятельные феодальные круги в этой стране, тесно связанные с феодальными правителями Бухары, враждебно встретили победу бухарской народной революции. Они взяли курс на реставрацию эмирской власти и в этом плане оказывали известное влияние на политику правительства

¹⁵ Там же, стр. 16—17; АИВ. Серия А, № 169. Government of India. Foreign and Political Department. Secret-F. Proceedings, February 1920, Nos. 170—171. Bolshevik Designs on Afghanistan and India, p. 17.

¹⁶ Ibid., p. 4.

¹⁷ А. Н. Хейфец. Указ. соч., стр. 286—287.

Амануллы-хана. Все это создало значительные затруднения в развитии и укреплении советско-афганских отношений, для быстрого и эффективного преодоления которых необходима была тесная координация внешнеполитических действий РСФСР и БНСР. Большую роль в осуществлении такой координации сыграл полпред РСФСР в Бухаре и уполномоченный ЦК РКП(б) и Коминтерна при Бухарской коммунистической партии В. В. Куйбышев.

Во время революционного переворота в Бухаре тогдашний афганский посол при правительстве эмира бухарского вопреки инструкциям своего правительства открыто выступил против восставшего народа, используя отряд афганских солдат из своей охраны. Естественно, он не мог больше рассматриваться как дипломатический представитель своего правительства. Тем важнее было как можно скорее установить прямые официальные отношения революционного правительства Бухары с Афганистаном. 10 сентября 1920 г. Турккомиссия специально обсудила проблемы отношений с Афганистаном в связи с бухарской революцией. Она одобрила решение Бухарского ревкома, принятое 5 сентября при участии М. В. Фрунзе: «Немедленно послать делегацию в Афганистан с указанием о том, что Советская Бухара желает быть мирным соседом Афганистана»¹⁸. На заседании Турккомиссии был одобрен проект обращения бухарского народа к афганскому народу. 14 сентября в Бухару прибыл В. В. Куйбышев. На состоявшемся в тот же день заседании ЦК Бухарской коммунистической партии он подчеркнул неотложность скорейшей отправки обращения в Афганистан.

20 сентября правительство БНСР направило Аманулле-хану послание, в котором предлагало установить дипломатические отношения и «назначить в самое ближайшее время взаимнообмен Полномочных Представительств». Одновременно полпред РСФСР в Кабуле Я. З. Суриц обратился с нотой к афганскому правительству по поводу революционных событий в Бухаре и неблагоприятной позиции афганского посла. В ответной ноте министерства иностранных дел Афганистана выражалась готовность приступить «к расследованию и выяснению этих действий». 3 ноября афганское правительство направило правительству Советской Бухары ноту, в которой содержалось заявление об официальном признании БНСР и сообщалось о направлении в Бухару чрезвычайного афганского посольства¹⁹.

Это решение благотворно отразилось на общем развитии советско-афганских отношений. 28 февраля 1921 г. в Москве был подписан советско-афганский договор, заложивший прочную основу дружественных отношений между советскими республиками и Афганистаном. Поскольку события в Бухаре и Хиве оказали немалое влияние на эти отношения, договор специально фиксировал, что «стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там не существовала бы, согласно желанию их народов»²⁰. Эта формула закрепляла обязательство Афганистана не вмешиваться во внутренние дела БНСР и ХНСР, что имело принципиальное значение. Совместные дипломатические акции РСФСР и БНСР способствовали провалу попыток английской дипломатии и специальных служб британского правительства торпедировать дружественные советско-афганские отношения в период контрреволюционной авантюры Энвера, возглавившего басмаческие банды на территории БНСР. Согласованная внешняя политика советских республик содействовала укреплению международного положения и политических позиций независимого Афганистана.

¹⁸ Ю. П. Шараров-Антонов. М. В. Фрунзе — организатор и руководитель разгрома бухарского эмирата (канд. дисс.). М. 1950, стр. 453.

¹⁹ «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 193—194; 199—200; т. IV. М. 1960, стр. 663.

²⁰ «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 552.

По мере приближения победоносного завершения гражданской войны расширялась дипломатическая деятельность правительства РСФСР, направленная на установление дружественных отношений со странами Востока, на поддержку их борьбы против империализма. В этом отношении показательны советско-иранские переговоры конца 1920 — начала 1921 г., в ходе которых осуществлялась тесная координация внешней политики РСФСР и Азербайджанской ССР. В то время главным препятствием к советско-иранскому сближению было пребывание на территории Ирана британских войск, оказывавших давление на иранское правительство и одновременно создававших серьезную угрозу для советских республик Закавказья и Средней Азии, особенно для Азербайджана. Определенным противовесом этой угрозе были находившиеся в Гиляне небольшие контингенты вооруженных сил Советского Азербайджана.

Летом 1920 г. после падения открыто англофильского правительства Восуга од-Доуле иранский кабинет возглавил патриотически настроенный политический деятель Мошир од-Доуле, выразивший готовность начать переговоры с Советской Россией. В октябре чрезвычайный иранский посол Мошавер оль-Мамалек по пути в Москву остановился в Баку. К этому времени англичане организовали сильное давление на Иран, и 1 ноября новым премьер-министром там был назначен крупный феодал Сепакдар Азем. Английское посольство в Тегеране получало копии всех донесений иранских дипломатов из Советской России, а сам Сепакдар неоднократно совещался с британским посланником в Тегеране Норманом по вопросам советско-иранских переговоров. Для того чтобы завести их в тупик, английская дипломатия добивалась выдвижения иранской стороной на первый план вопроса о воинских контингентах Советского Азербайджана в Гиляне. Мошавер оль-Мамалек и прибывший вместе с ним в Баку иранский генеральный консул в Тифлисе на основе инструкций своего министерства иностранных дел начали переговоры с правительством Азербайджанской ССР относительно эвакуации азербайджанских войск из Энзели. Руководители Советского Азербайджана ответили, что это невозможно сделать, пока английские войска находятся в Казвине²¹.

Одновременно Мошавер оль-Мамалек нанес визит Г. К. Орджоникидзе, возглавлявшему Кавказское бюро ЦК РКП (б) и имевшему полномочия ЦК партии и СНК РСФСР по координации дипломатической деятельности советских республик в отношении Ирана и Турции. Иранский дипломат поставил вопрос о желательности ликвидации фронта в Гиляне. Г. К. Орджоникидзе ответил, что правительство РСФСР готово взять на себя посредничество между Ираном и Азербайджанской ССР. Поскольку продолжение переговоров в Баку могло привести к искусственному выделению вопроса об азербайджанских войсках в Энзели из всего комплекса проблем советско-иранских отношений, Г. В. Чичерин предложил ускорить приезд Мошавер оль-Мамалека в Москву. Вместе с тем правительство Азербайджанской ССР подчеркнуло свое стремление к установлению дружественных отношений с Ираном²².

Иранский представитель в Азербайджане Мансур оль-Мольк телеграфировал 29 октября из Астары в Тегеран, что 27 он встречался с Н. Н. Наримановым и передал ему послание министерства иностранных дел Ирана. Н. Н. Нариманов выразил твердую уверенность в скором установлении хороших отношений между Ираном и Азербайджанской ССР и сообщил, что для иранского представителя выделен дом. Н. Н. Нариманов заявил, что будет решен вопрос о собственности персидских

²¹ АИВ. Серия А, № 205. Government of India. Foreign and Political Department. Bolshevik Menace to Persia.

²² ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 464, лл. 73—75.

граждан и об установлении прямой телеграфной связи Тегерана с Баку и Москвой²³.

В ноябре в Москве начались переговоры с Мошавер оль-Мамалеком. Обсуждение проблемы вывода азербайджанских войск происходило одновременно с другими важными аспектами советско-иранских отношений (отказ от привилегий, которыми пользовалась царская Россия в Иране, передача Ирану русского имущества и т. д.). По вопросу об азербайджанских войсках в Иране правительство РСФСР запросило правительство Азербайджанской ССР, которое ответило, что в интересах развития дружественных отношений между Ираном и советскими республиками оно готово вывести свои войска из Ирана. Одновременно оно выдвинуло предложение, чтобы были эвакуированы оттуда и английские войска. Правительство РСФСР согласилось с этой точкой зрения.

Такой подход к делу полностью соответствовал национальным интересам иранского народа. Он позволял блокировать колониалистские и антисоветские происки британской дипломатии. Из телеграммы английского посланника в Иране Нормана от 1 декабря 1919 г. видно, что он обсуждал с иранским премьером сообщения Мошавер оль-Мамалека из Москвы и выработанный там проект советско-иранского договора. Английский посланник выражал недовольство, что в проекте есть статьи, отменяющие неравноправные русско-иранские договоры и передававшие Ирану бывшие русские концессии. Норман заигрывал иранского премьера последствием появления в Тегеране советского посла. Он угрожал, что принятие Ираном русского золота в уплату за иранские товары приведет к конфликту с Англией и Францией, к которым это золото должно было якобы перейти в счет царских займов²⁴. Через три дня после того, как Мошавер оль-Мамалек сообщил НКВД о согласии иранского правительства на назначение Ф. А. Ротштейна советским полпредом в Тегеран, министерство иностранных дел Великобритании направило Норману в Тегеран шифрованную телеграмму, в которой, в частности, содержались указания о том, как помешать этому назначению и опорочить советского представителя²⁵.

23 декабря 1920 г. Норман направил иранскому правительству официальную ноту, в которой говорилось, что в связи с переговорами, которые ведутся Мошавер оль-Мамалеком в Москве, министерство иностранных дел Великобритании уполномочило его (Нормана) заявить иранскому правительству, что «не должно быть допущено нарушения прав и интересов правительства его величества в результате каких бы то ни было переговоров, проводимых персидским правительством с русским советским или другим правительством. Лорд Керзон отмечает также, — говорилось в ноте, — что эти предостережения равным образом относятся к случаям, когда британские фирмы или корпорации законно приобрели у персидских граждан или русских права или собственность, принадлежность которых во время покупки не может быть теперь поставлена под сомнение». Эта нота была составлена на основании инструкции, содержавшейся в телеграмме Керзона Норману от 8 декабря 1920 г. «относительно влияния на англо-персидские отношения русско-персидских переговоров о договоре, предполагающем отмену Туркманчайского договора»²⁶. Содержание английской ноты показывает, какую тревогу у английских колонизаторов вызывал отказ Советского правительства

²³ АИВ. Серия А, № 205. Government of India. Foreign and Political Department. *Bolshevik Menace to Persia*.

²⁴ Там же, № 204. Government of India. Foreign and Political Department. 1921. *Bolshevik Menace to Persia*, p. 92.

²⁵ Там же, № 205. Government of India. Foreign and Political Department. *Bolshevik Menace to Persia*.

²⁶ Там же, № 290. Government of India. Foreign and Political Department. «Effect on Anglo-Persian Relations of the Russo-Persian Negotiations for a Treaty Abrogating the Treaty of Turkmanchai».

от всех привилегий, связанных с неравноправными договорами и конституционным режимом в Иране.

Тесная координация дипломатической деятельности правительств РСФСР и Азербайджанской ССР свела на нет подрывные акции британской дипломатии и ее спецслужб. Вскоре английское правительство было вынуждено официально заявить о выводе своих войск из Ирана. 26 февраля 1921 г. был подписан дружественный договор между РСФСР и Ираном²⁷. Договор не только заставил британское правительство вывести свои войска из Ирана, но и стал надежной гарантией против всяких попыток империалистической интервенции и превращения Ирана в антисоветский плацдарм в будущем. В случае попыток третьих стран путем вооруженного вмешательства осуществлять в Иране захватническую политику или превращать его территорию в базу для военных выступлений, угрожающих границам РСФСР «или союзных ей держав» (то есть Азербайджана и других советских республик.— А. Х.), и при условии, что правительство Ирана само не сможет отвратить эту опасность, правительство РСФСР получало право ввести свои войска на территорию Ирана.

Не сумев предотвратить подписание договора, империалистическая агентура в Иране стала усиленно добиваться обострения отношений Ирана с Азербайджанской и Армянской советскими республиками. Ее прискам противостояла координированная дипломатическая деятельность всех советских республик. Вскоре после вывода английских войск на основе согласованного решения правительств РСФСР и Азербайджанской ССР из Ирана были выведены азербайджанские воинские контингенты. ЦК РКП(б), правительство РСФСР, лично В. И. Ленин неоднократно обращали внимание коммунистов Азербайджана и правительства этой республики на важность проведения максимально дружественной политики в отношении Ирана, неукоснительного выполнения договора от 26 апреля 1921 г., устранения всего, что мешает развитию отношений между советскими республиками и Ираном. Эти вопросы неоднократно рассматривались на заседаниях Пленумов и Политбюро ЦК РКП(б). Для более тесной координации действий работников РСФСР и Азербайджана на члена ВЦИК, секретаря ЦК КП(б) Азербайджана С. М. Кирова был возложен контроль за строгим невмешательством в происходившую в то время в Иране борьбу между правительством шаха и повстанческими силами²⁸.

Между тем правящие круги Ирана продолжали занимать враждебную позицию по отношению к Азербайджанской ССР. С иранской территории происходили нападения вооруженных банд на эту республику. Только за первую половину августа 1921 г. в одном Сальянском уезде Азербайджана бандиты убили десятки людей, захватили несколько тысяч голов скота. Одновременно иранская сторона стала выдвигать необоснованные претензии к Азербайджану и даже направила Г. В. Чичерину ноту, в которой заявлялось, что Азербайджанская ССР проводит якобы враждебную по отношению к Ирану политику. В ответной ноте Г. В. Чичерина от 29 октября 1921 г. отвергались эти обвинения и указывалось, что иранское правительство должно принять меры против нападений на азербайджанскую территорию, а также подчеркивалось, что советские республики неизменно придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела Ирана, о чем Н. Н. Нариманов заявил на 2-й сессии ЦИК Азербайджана²⁹. 23 ноября Г. В. Чичерин уведомил иранского посла в Москве о согласии Советского правительства выступить посредником между Ираном и Азербайджанской ССР. Одновременно полпред РСФСР в Тегеране договорился с министерством иностранных

²⁷ См. «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 536—544.

²⁸ Там же. Т. IV, стр. 790, прим. 72.

²⁹ Там же, стр. 449—450.

дел Ирана об образовании смешанной иранско-азербайджанской комиссии для разрешения пограничных трений. Тогда же встал вопрос о заключении договора между Ираном и закавказскими советскими республиками. 26 ноября 1921 г. в Тифлис прибыл иранский представитель Момтаз од-Доуле для переговоров³⁰. Но переговоры на иранско-закавказской конференции продвигались медленно. 20 июня 1922 г. иранское правительство предложило объединить ее с происходившей в Москве конференцией по подготовке торгового договора между Ираном и РСФСР с тем, чтобы переговоры с закавказскими республиками велись отдельно от переговоров с РСФСР. Закавказские советские республики, объединившиеся к тому времени в ЗСФСР, имели уже общую делегацию. 13 ноября ее представитель Б. Шахтагинский заявил, что лучший способ оформить отношения между ЗСФСР и Ираном — это присоединить ЗСФСР к Московскому договору от 26 февраля 1921 года. Наряду с этим ЗСФСР выразила готовность присоединиться к торговому договору между Ираном и РСФСР, который предстояло выработать Московской конференции³¹.

В 1921—1922 гг. возникли осложнения во взаимоотношениях между Ираном и Армянской ССР в связи с переходом на иранскую территорию остатков дашнакских банд, совершенным после разгрома трудящимися Армении контрреволюционного мятежа. При попущительстве иранских властей и при активном участии англичан дашнаки формировали на иранской территории вооруженные отряды, а в Тавризе объявилось даже самозванное «правительство Армении». Все это создавало угрозу мирному развитию Армянской ССР и являлось грубым нарушением договора 26 февраля 1921 г., содержавшего обязательство сторон «не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или групп..., ставящих целью борьбу против Персии и России, а также против союзных с последней государств»³², в число которых входила и Армянская ССР.

Правительство РСФСР решительно выступило в защиту интересов Советской Армении. 26 июля и 30 сентября 1921 г. Г. В. Чичерин направил энергичные ноты протеста иранскому послу в Москве³³. После прибытия представителя Советской Армении в Тегеран имели место согласованные демарши по этому вопросу полпредов РСФСР и Армянской ССР³⁴. Совместные акции РСФСР и Советской Армении предотвратили возможные крупные вооруженные диверсии против последней с территории Ирана³⁵.

В совместных усилиях по укреплению и развитию дружественных отношений с Ираном активно участвовали и среднеазиатские народные советские республики. В июне 1921 г. назир по иностранным делам Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) направил дружественную ноту «Высокоблагородной Персии», в которой предлагал ей обменяться дипломатическими представителями. 7 февраля 1922 г. правительство Хорезмской Народной Советской Республики направило телеграмму министру иностранных дел Ирана, в которой выражались чувства искренней и сердечной дружбы «братскому народу и союзному правительству Персии». Далее в телеграмме говорилось: «Наш братский союз с Советской Россией и независимой Бухарской республикой и Афганистаном, с которыми Персия установила прочные и дружественные отношения, обеспечивающие свободное и независимое существование,

³⁰ Там же, стр. 713.

³¹ «Международная политика РСФСР в 1922 г.». М. 1923, стр. 59.

³² «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 538.

³³ «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 242, 383—384.

³⁴ «Документы внешней политики СССР». Т. V. М. 1961, стр. 186—187.

³⁵ Иранский. 5 лет взаимоотношений Советской власти с Персией. «Новый Восток», 1923, № 4, стр. 215.

дает прочное основание для совместной работы России, Бухары, Хорезма, Афганистана и Персии в деле освобождения народов Востока»³⁶.

Большое значение имела координация внешнеполитических действий советских республик и для установления дружественных советско-турецких отношений, для поддержки освободительной борьбы турецкого народа против империализма.

После того, как Антанта и в первую очередь британский империализм убедились в силе сопротивления турецкого народа, поднявшегося под влиянием Великого Октября на войну за независимость, а особенно с тех пор, как началось сближение между правительством Ататюрка и Советской Россией, в борьбе империалистических сил против турецкого народа наметилось два направления. С одной стороны, не только продолжался, но и усиливался открытый военный нажим греческих оккупантов, с другой — империалисты предприняли ряд маневров, целью которых было свернуть турецких националистов с пути антиимпериалистической борьбы на путь шовинистических притязаний и экспансии против народов Закавказья. Расчет заключался в том, чтобы использовать реакционные тенденции, которые в той или иной степени присущи буржуазному национализму, и тем самым не только пресечь наметившееся советско-турецкое сближение, но и втянуть Турцию в антисоветский фронт, навязав Стране Советов новую войну на Кавказе.

Империалисты сумели спровоцировать войну между кемалистами и дашнакской Арменией, оттянувшую часть вооруженных сил кемалистов от борьбы с греческой агентурой британского империализма. Экспансионистским элементам в кемалистском лагере удалось добиться и того, что уже после провозглашения в Армении Советской власти (ноябрь 1920 г.) правительство Анкары заключило в Александрополе, оккупированном турецкими войсками, договор с «правительством» дашнаков, свергнутым армянским народом. Это был аннексионистский, грабительский «мир», угрожавший существованию Советской Армении.

Когда грузинский народ восстал против контрреволюционной диктатуры меньшевиков и провозгласил Грузию советской республикой, определенными турецкими кругами была предпринята попытка захватить Батум. Экспансионистские элементы в Турции вынашивали захватнические планы и в отношении Азербайджанской ССР. Вступившие в район Нахичевани в 1920 г. турецкие войска пытались оккупировать эту область³⁷. Кое-кто в Анкаре мечтал даже о «мирном присоединении» всего Советского Азербайджана к Турции. Полпред Азербайджанской ССР в Анкаре И. Абилов сообщал наркому иностранных дел республики М. Д. Гусейнову 8 ноября 1921 г.: «Среди некоторых турецких кругов все еще преобладают пантюркистские идеи... На устроенном мною небольшом вечере компочтел³⁸ в конце своей пантюркистской речи выразил желание в скором будущем в ангорском парламенте видеть и депутатов Азербайджана»³⁹.

Интригам империалистов советская дипломатия противопоставила принципиальную политику поддержки национально-освободительной борьбы турецкого народа против империализма. Согласованная внешнеполитическая деятельность советских республик явилась важным фактором, помешавшим сползанию национально-освободительного движения турецкого народа на реакционно-экспансионистский путь. Азербайджанская ССР раньше других советских республик установила контакт с пра-

³⁶ «Документы внешней политики СССР». Т. V, стр. 89—90.

³⁷ Подробней см.: Ю. А. Багиров. Из истории советско-турецких отношений в 1920—1922 гг. (по материалам Азербайджанской ССР). Баку. 1965, стр. 45—52.

³⁸ В то время министры турецкого правительства именовали себя комиссарами. В данном случае речь идет о министре почт и телеграфов.

³⁹ Партархив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 609, оп. 1, д. 15, л. 132.

вительством Ататюрка. Первая турецкая делегация летом 1920 г. на пути в Москву остановилась в Баку. Она была принята Н. Н. Наримановым и М. Д. Гусейновым, которые подчеркнули дружественное отношение РСФСР и Азербайджанской ССР к Турции. Для участия в советско-турецких переговорах в Москве правительство Азербайджанской ССР направило своих представителей во главе с Б. Шахтахтинским⁴⁰. Правительство Армянской ССР также активно включилось в общую дипломатическую деятельность советских республик. Руководствуясь идеями пролетарского интернационализма, армянские коммунисты в очень сложной обстановке, порожденной захватническим походом кемалистов в Армению, выступили активными поборниками дружбы с турецким народом. В декларации Революционного комитета от 29 ноября 1920 г. о провозглашении Армении советской республикой содержался призыв установить согласие между «свободными народами Советской Армении и революционной Турции»⁴¹. Советская Армения опиралась на братскую поддержку РСФСР, Азербайджана и других советских республик. На следующий день после провозглашения в Армении Советской власти в Баку была опубликована статья главы правительства Советского Азербайджана Н. Н. Нариманова «Мы не допускаем...», явившаяся серьезным предупреждением агрессивным турецким кругам, осуществлявшим захватническую политику в Армении и мечтавшим о «присоединении» Азербайджана. Н. Н. Нариманов подчеркивал, что трудящиеся Азербайджана не допускают и мысли о том, что Турция попытается присоединить к себе Азербайджан. «Мы не допускаем этого,— говорилось в статье,— но если кемалисты будут вовлечены в эту авантюру, то мы, рабочие и крестьяне красного Азербайджана, будем бить беспощадно кемалистов — до тех пор, пока они не поймут нашей цели, наших стремлений. А они ясны: мы хотим освободить седой Восток от гнета, мы хотим дать возможность этому Востоку жить своей свободной жизнью, своей культурой. Мы не намерены навязывать коммунистический строй никому, но уничтожить наш строй у себя дома никому не позволим»⁴².

Армения, Азербайджан и РСФСР заявили о непризнании ими Александропольского договора. При этом советская дипломатия подчеркивала общность коренных интересов Советской власти и турецкого национально-освободительного движения. Народный комиссар по иностранным делам Армянской ССР А. Бекзадян в ноте от 8 января 1921 г. констатировал: «Национально-освободительное движение Турции в лице его носителя угнетенного трудового населения... мы считаем родственным нам по духу и будем его поддерживать и питать вопреки всему»⁴³. Благодаря совместным усилиям советских республик и антиимпериалистической позиции Ататюрка затруднения в советско-турецких отношениях успешно преодолевались. Была достигнута договоренность о проведении в Москве советско-турецкой конференции для выработки дружественного договора. Предполагалось, что в ней, кроме представителей РСФСР, будут участвовать представители Азербайджана, Армении и Грузии, которые для этой цели прибыли в Москву. Но вследствие того, что в Армении произошел контрреволюционный мятеж дашнаков, временно захвативших Эривань и передавших по радио «заявление» о том, что находящийся в Москве народный комиссар по иностранным делам Армянской ССР А. Бекзадян не имеет-де права выступать от имени Армении, а глава турецкой делегации, воспользовавшись этим предлогом, отказался вести переговоры с представителями Советской Армении, конференцию, открывшуюся 26 февраля 1921 г., пришлось объявить русско-турецкой.

⁴⁰ Ю. А. Багиров. Указ. соч., стр. 38.

⁴¹ «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 348—349.

⁴² «Коммунист» (Баку), 30. XI. 1920.

⁴³ «Документы внешней политики СССР». Т. III, стр. 452.

Тем не менее в ходе переговоров делегация РСФСР, возглавляемая Г. В. Чичериным, отстаивала интересы всех советских республик. Неофициальные беседы с турецкими делегатами вел и представитель Азербайджанской ССР Б. Шахтагинский. Вскоре выявилось стремление турок оставить открытым вопрос об отношениях с закавказскими советскими республиками, сохранить свободу рук для нажима на них и особенно на Армянскую ССР. Учитывая это, делегация РСФСР добилась включения в протокол заявления о том, что суверенитет закавказских республик будет осуществляться в полной мере и что это является «существенным условием» соглашения между РСФСР и Турцией. В заявлении подчеркивалось, что если бы Турция в предстоящих переговорах с закавказскими республиками понуждала бы их согласиться на какое бы то ни было ограничение своего суверенитета, «Российская Советская Республика сочла бы таковые действия направленными против нее самой»⁴⁴.

Московская конференция завершилась 16 марта 1921 г. подписанием договора между РСФСР и Турцией, который заложил прочный фундамент дружественных советско-турецких отношений, сыгравших важную роль в завоевании турецким народом политической независимости. Турецкая сторона отказалась от притязаний на Батум и Нахичевань, обязалась очистить некоторые оккупированные во время войны с дашнаками территории Армянской ССР. Вместе с тем стороны договорились о переходе к Турции районов Карса, Ардагана и Артвина, входивших до 1917 г. в состав Российской империи. Такое решение способствовало дальнейшему укреплению связей и сотрудничества между советскими республиками и национально-освободительным движением народов Востока. Согласившись на ту линию границы с Турцией, которая была зафиксирована в Московском договоре, трудящиеся Армянской ССР проявили глубокое понимание общих интересов советских республик, подлинный пролетарский интернационализм, который, как указывал В. И. Ленин, требует со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, способности и готовности «идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»⁴⁵.

Последующее развитие советско-турецких отношений происходило в условиях еще более тесной координации внешнеполитической деятельности советских республик. Российская Федерация, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, другие советские республики активно участвовали в оказании помощи турецкому национально-освободительному движению. С другой стороны, единство советских республик препятствовало развитию захватнических тенденций, характерных для определенных кругов Анкары.

Во время Московской конференции была достигнута договоренность о том, что по пути на родину турецкая делегация подпишет договоры с Азербайджаном, Арменией и Грузией. Советские республики стремились к заключению общего договора трех закавказских республик с Турцией. Проект такого договора был выработан в Москве НКВД РСФСР совместно с представителями закавказских республик. 2 апреля 1921 г. В. И. Ленин внес в Политбюро ЦК РКП(б) предложение направить в Азербайджан, Грузию и Армению директиву ЦК по этому вопросу⁴⁶. ЦК дал указание, чтобы окончательный проект общего договора, который будет согласован в ходе переговоров с турками, был до подписания отправлен в ЦК для утверждения⁴⁷.

Когда в середине апреля турецкая делегация, прибывшая из Москвы в Баку, пыталась начать сепаратные турецко-азербайджанские пере-

⁴⁴ А. Н. Хейфец, Советская дипломатия и народы Востока (1921—1927). М. 1968, стр. 113.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 166.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 515.

⁴⁷ А. Н. Хейфец. Советская дипломатия и народы Востока, стр. 161.

говоры, наркоминдел Азербайджанской ССР М. Д. Гусейнов категорически настоял на проведении общей конференции с участием всех закавказских советских республик. Ту же линию в беседах с главой турецкой делегации Юсуфом Кемалем отстаивали Г. К. Орджоникидзе, представитель РСФСР в закавказских республиках Б. В. Лерман и наркоминдел Грузинской ССР М. Д. Орахелашвили. Юсуф Кемаль вынужден был согласиться на созыв общей конференции, предложив провести ее в Карсе. Во время этих бесед был поставлен вопрос об участии в конференции и представителя РСФСР. Юсуф Кемаль заявил, что это не вызывается необходимостью, ибо вопросы, интересовавшие РСФСР, уже решены Московским договором, но представитель РСФСР всегда будет в Карсе желанным гостем. Казалось, что закавказско-турецкая конференция откроется в самое ближайшее время. Советские республики активно готовились к ней. 7 мая в Баку состоялось совещание представителей трех республик для выработки общей линии на переговорах. Однако турецкая сторона затянула открытие конференции до сентября. К этому времени одной из важнейших проблем политической жизни советских республик Закавказья стала реализация ленинской идеи Закавказской федерации. В связи с этим координация дипломатических усилий трех республик в переговорах с Турцией стала еще более тесной. Как отмечал Г. К. Орджоникидзе, «делегатам (предстоявшей конференции.— А. Х.) была дана такая директива: они должны были потребовать от турок заключения с ними единого договора, на одном листе бумаги»⁴⁸.

Весь ход Карсской конференции, продолжавшейся с 26 сентября до 13 октября 1921 г., выявил полное единство и тесную координацию внешней политики советских республик. Активное участие в конференции принял представитель РСФСР Я. С. Ганецкий. По наиболее важным вопросам он излагал общую позицию РСФСР и советских республик Закавказья. Зная о враждебном отношении некоторых турецких кругов к Армении, делегаты Азербайджана и Грузии специально поручили выступить с речью при открытии конференции от имени трех республик делегату Армянской ССР А. Мравяну. Показательно название выработанного конференцией документа: «Договор о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией — с другой, заключенный при участии РСФСР»⁴⁹. Основные статьи Карсского договора совпадали с положениями Московского, в соответствии с принципами которого были разрешены и некоторые частные вопросы отношений между закавказскими советскими республиками и Турцией. Турецкая общественность приветствовала Карсский договор как новое подтверждение поддержки советскими республиками освободительной борьбы турецкого народа. «Наша политика по заключению единого договора с Турцией,— отмечал Г. К. Орджоникидзе,— была совершенно правильна... Эта политика принесла пользу и нам и Турции. Ибо если бы Турция настояла на своем, если бы она захотела вырвать из наших рук Армению и растрепать ее, то, конечно, турецкий народ и его борьба за существование не встретили бы сочувствия со стороны кавказских народов»⁵⁰.

Еще во время переговоров о созыве Карсской конференции встал вопрос о заключении договора между Турцией и Украинской ССР. Необходимость его вытекала из географического положения сторон, а также из того, что Украина, как и РСФСР и Грузия, была кровно заинтересована в вопросе о режиме черноморских проливов. В мае 1921 г. правительство УССР предложило Турции провести соответствующие переговоры в Харькове⁵¹. В дальнейшем, пойдя навстречу пожеланиям Турции,

⁴⁸ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 1. М. 1956, стр. 257.

⁴⁹ «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 420—429.

⁵⁰ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 257.

⁵¹ «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 145.

оно согласилось направить своих представителей в Анкару. По договоренности с РСФСР и другими советскими республиками и в соответствии с Постановлением Пленума ЦК РКП(б) в августе 1921 г. было решено назначить главой делегации УССР члена ЦК РКП(б) народного комиссара по военным и морским делам и командующего вооруженными силами УССР М. В. Фрунзе. Это решение состоялось в критический период войны турецкого народа. Назначение М. В. Фрунзе главой делегации УССР означало, что он будет представлять не только Украину, но и все советские республики. Незадолго до поездки в Турцию М. В. Фрунзе совещался в Москве с Г. В. Чичериным, а по пути обсуждал вопросы отношений с Турцией с руководящими деятелями закавказских советских республик. Центральный Комитет утвердил 3 октября 1921 г. специальную инструкцию для миссии М. В. Фрунзе⁵².

Во время переговоров с Атаатюрком и другими турецкими руководителями М. В. Фрунзе подчеркивал единство внешнеполитической линии всех советских республик, разработанной Центральным Комитетом РКП(б). Он привлек к активному участию в переговорах подпреда Азербайджанской ССР в Анкаре И. Абилова. 2 января 1922 г. в Анкаре был подписан договор о дружбе и братстве между Турцией и УССР, в основу которого лег Московский договор от 16 марта 1921 года. Одновременно была достигнута договоренность об установлении экономических и культурных связей между Турцией и Советской Украиной. Это завершило процесс установления договорных отношений между Турцией и советскими республиками. Общее укрепление советско-турецкой дружбы, ценные советы М. В. Фрунзе сыграли важную роль в подготовке решающего наступления национальной армии, которое увенчалось победоносным окончанием освободительной войны турецкого народа против империализма.

В ходе подготовки к Генуэзской конференции советская сторона настаивала на приглашении в Геную турецкой делегации⁵³. Выступая в меджлисе, Атаатюрк подчеркнул большое значение этих усилий «нашего друга — Российской Советской Республики»⁵⁴. В связи с отказом западных держав пригласить Турцию советские республики взяли на себя защиту ее интересов на конференции. Обращаясь с письмом к членам Политбюро ЦК РКП(б) 22 января 1922 г., В. И. Ленин предложил включить в директиву Политбюро советской делегации в Генуе также пункт о защите интересов Турции. Эта задача была специально возложена на члена делегации Н. Н. Нариманова⁵⁵.

Решающую роль в установлении дружественных отношений с народами зарубежного Востока играла РСФСР. Ее внешнеполитическая деятельность полностью отражала интересы других советских республик. В установлении дружественных отношений с народами Востока вместе с РСФСР активно участвовали и другие советские республики. Координация их внешнеполитической деятельности способствовала успешному решению основных задач советской политики на Востоке, установлению и укреплению дружественных отношений с Афганистаном, Ираном, Турцией и другими странами. Совместные выступления советских республик на международной арене содействовали их сближению и стали одной из важных предпосылок образования СССР.

⁵² См. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 92—93; А. Н. Хейфец. Советская дипломатия и народы Востока, стр. 177.

⁵³ «Документы внешней политики СССР». Т. V, стр. 193—194, 281.

⁵⁴ Кемаль Атаатюрк. Избранные речи и выступления. М. 1966, стр. 232.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 134; Ю. А. Багиров. Указ. соч., стр. 101.